

... Шан Чжэ чувствовал себя крайне неловко и, раздраженно подняв голову, воскликнул:

— Чжэн Цзянь, ты когда-нибудь закончишь?

— Нет, — спокойно ответил Чжэн Цзянь.

Он сидел на стуле у обеденного стола и резким движением притянул к себе Шан Чжэ, который до этого водил его за нос. Тот, потеряв равновесие, упал прямо перед Чжэн Цзянем. Тут же обхватив его за талию, Чжэн Цзянь усадил его себе на колени. Шан Чжэ, упираясь руками в край стола, пытался встать, но силы Чжэн Цзяня были гораздо больше. Этот человек был из тех, кто выглядит высоким и худым в одежде, но на самом деле обладает накачанным телосложением. В физическом плане Шан Чжэ никогда не мог с ним сравниться.

— Хватит, успокойся, — крепко удерживая его, Чжэн Цзянь наклонил его вперед, прижимая к себе. — Ушел, не попрощавшись, написал песню, чтобы дразнить меня, привел сына, чтобы позлить меня... Ты действительно перешел все границы.

— Ха-ха-ха, давай поговорим по-хорошему, господин Чжэн... — Не победив силой, Шан Чжэ решил прибегнуть к хитрости.

— Хватит строить из себя дурачка! — Чжэн Цзянь шлепнул его по заднице, когда тот пытался подняться.

— Чжэн Цзянь, что ты делаешь! — Шан Чжэ покраснел от стыда и гнева. — Тебе не стыдно говорить это! Ты совершенно несправедлив! Ты ограничиваешь мою свободу, я должен отчитываться перед тобой за каждое действие, ты обращаешься со мной как с ребенком, ты... ты... мм!

Чжэн Цзянь, устав от его слов, решительно закрыл ему рот поцелуем.

Разжав губы, он провел языком по чувствительному нёбу Шан Чжэ, от чего у того сразу же подкосились ноги. Чисто мужская энергия передавалась через их поцелуй, каждый их контакт был словно битва, ни один не хотел уступать. Воздух вокруг стал горячим, голова закружилась от нехватки кислорода, а желание, зародившееся внутри, вырвалось наружу, и его уже невозможно было остановить.

— Мм... — Шан Чжэ, сидя верхом на коленях Чжэн Цзяня, невольно ответил на его поцелуй, издав тихий стон.

Уголки глаз Чжэн Цзяня были полны улыбки. Он слишком хорошо знал этого человека, знал каждую дюйм его тела. Укротить его было несложно, как ребенка — достаточно дать немного сладости, чтобы подчинить. Просто и грубо, но эффективно.

Когда их поцелуй достиг апогея, рядом раздался мягкий детский голос:

— Папа!

Одновременно с этим маленькая пухлая ручонка толкнула Чжэн Цзяня в бок:

— Нельзя... есть папу...

Цяця, увидев, как его папу «едят», тут же забеспокоился:

— Папа!

Хотя он немного боялся дяди, который обижал папу, он все же смело бросился вперед, чтобы оттолкнуть его.

С серьезным видом он произнес:

— Нельзя... есть папу...

Шан Чжэ, услышав слово «папа», оцепенел и резко спрыгнул с колен Чжэн Цзяня, инстинктивно толкнув его. Тот, не ожидая такого, ударился спиной о край стола, издав глухой звук.

Шан Чжэ был на грани смущения, судорожно вытирая губы и не зная, как объясниться перед сыном. Тем временем Цяця продолжал свою «битву», хотя его маленькие ручки не могли причинить никакого вреда Чжэн Цзяню, зато сам он покраснел от напряжения.

Чжэн Цзянь, обладая более толстой кожей, спокойно терпел толчки Цяця, лишь сухо заметил:

— Детям не стоит вмешиваться в дела взрослых.

Цяця с возмущением повторил:

— Нельзя есть... папу Чжэ!

Чжэн Цзянь поднял бровь:

— А что, если я съем?

Цяця бросил на него сердитый взгляд, развернулся и побежал в комнату, а через мгновение вернулся, держа в руке маленький деревянный молоточек. Он подбежал к Чжэн Цзяню и ударил его по ноге.

Шан Чжэ был на грани нервного срыва.

Этот молоточек был частью игрушечного набора Цяця, который представлял собой H-образную деревянную подставку с семью цветными деревянными палочками. Ребенок мог использовать молоточек, чтобы поочередно забивать палочки, а затем переворачивать подставку и делать то же самое с другой стороны. Это была довольно скучная игрушка, но Цяця любил играть с ней, особенно ему нравился звук «тук-тук-тук», который издавали палочки.

Теперь Чжэн Цзянь попался ему в руки. Цяця, держа молоточек, изо всех сил стучал по его ноге, сопровождая свои действия звуками:

— Тук-тук-тук!

Шан Чжэ не знал, смеяться ему или плакать:

— Цяця, иди сюда, к папе.

Цяця, не переставая стучать, повернулся к нему, указав пальцем на Чжэн Цзяня:

— Папа, дядя... плохой!

Он не послушал папу и с чувством справедливости заявил, что это плохой дядя, и его нужно прогнать.

Шан Чжэ, взглянув на Чжэн Цзяня, дал понять, что тот должен сам разобраться с ситуацией.

Цяця был слаб, и удары молоточком не причиняли боли. Чжэн Цзяян наклонился, взял его подмышки и поднял на расстоянии вытянутой руки. Не имея возможности бить по ноге, Цяця попытался ударить его по голове, но его руки были слишком коротки, и он лишь размахивал ими, бормоча:

— Бью, бью тебя!

Чжэн Цзяян с невозмутимым лицом посмотрел на него:

— Хочешь подраться? Думаешь, сможешь меня победить?

Цяця:

...

Чжэн Цзяян продолжил:

— Даже твой папа не может меня победить.

Шан Чжэ:

...

Цяця, испугавшись, остановился, похоже, он понял.

Шан Чжэ, видя, что ребенок напуган, поспешил вмешаться:

— Как ты можешь так говорить с ребенком!

Цяця, поняв, что оказался в опасной ситуации, с трудом повернулся в руках Чжэн Цзяня, бросил молоточек и, протянув руки к отцу, жалобно сказал:

— Папа, обними...

Шан Чжэ:

...

После всей этой суматохи рис в мультиварке уже приготовился.

Ужин был в самом разгаре, и, хотя Чжэн Цзяян оставался нагло сидеть за столом, Шан Чжэ не мог выгнать его в самый разгар трапезы.

Сегодня он приготовил простой суп с морепродуктами, в который добавил свежие креветки, рыбные шарики, мясные фрикадельки, а также капусту, шпинат и тофу. В дополнение он сделал салат из помидоров с сахаром, чтобы порадовать Цяця.

Трое сидели за столом, Цяця посередине. Увидев, как Чжэн Цзяян берет палочками креветку, он нахмурился:

— Цяця...

Чжэн Цзяян на секунду замер, но не обратил на это внимания и спокойно съел креветку.

Через некоторое время он потянулся за мясным шариком, и Цяця снова сказал:

— Цяця...

Чжэн Цзяян снова проигнорировал его.

Цяця следил за палочками Чжэн Цзяяня, перемещая взгляд от кастрюли к его рту и обратно. Его большие черно-белые глаза были широко раскрыты, а ротик слегка приоткрыт, выражая крайнее желание.

Шан Чжэ едва сдерживал смех.

Ребенок был не обделен едой, в его тарелке было полно всего, но сегодня он почему-то стал жадничать. Шан Чжэ не мог понять, почему Цяця, обычно не такой скупой, вдруг начал так ревностно охранять свою еду. В прошлый раз, когда Чжоу Кан приходил ужинать, он не вел себя так.

— Цяця, вот, ешь это, — Шан Чжэ специально положил ему рыбный шарик, чтобы отвлечь его внимание.

Цяця взял ложкой кусочек рыбного шарика, широко открыл рот и положил ложку себе в рот. Затем он поднял голову и, увидев, как Чжэн Цзяян потянулся за помидором, закричал:

— Цяця!

Чжэн Цзяян сказал:

— Ты не даешь мне съесть твоего папу, так я съем что-нибудь другое.

— Чжэн Цзяян! — Шан Чжэ, оказавшийся под горячую руку, не выдержал.

— Либо позволь мне съесть твоего папу, либо позволь съесть твою еду. Выбирай.

... Цяця, подумав, словно пережив внутреннюю борьбу, наконец, ложкой поднял оставшуюся половину рыбного шарика из своей тарелки и дрожащей рукой протянул ее Чжэн Цзяяню.

Шан Чжэ был в полном недоумении. Он сдался перед этим дуэтом: один бесстыдно угрожал и манипулировал маленьким ребенком, а другой, изображая из себя грозного, на самом деле был просто маленьким трусишкой.

Чжэн Цзяян, глядя на полуразвалившийся рыбный шарик, с достоинством съел его прямо с ложки Цяця. Шан Чжэ был удивлен, впервые увидев, как Чжэн Цзяян ест за кем-то.

Затем Цяця серьезно сказал:

— Не ешь... папу.

Чжэн Цзянь кивнул:

— Ладно, сегодня я пощажу твоего папу.

Цяця успокоился.

Шан Чжэ был в полном смятении.

После ужина Чжэн Цзянь не стал оставаться на ночь, и Шан Чжэ слегка вздохнул с облегчением, но в то же время почувствовал легкую грусть. Он понимал, что его чувства были противоречивыми, и это противоречие каждый раз сбивало его с толку, когда он сталкивался с Чжэн Цзянем.

<http://bllate.org/book/17718/1655960>